

МЕЖДУ «ВЧЕРА» И «ЗАВТРА»

Какое это, оказывается, счастье — никуда не спешить, погружаться в свои мысли и ощущать внутреннее спокойствие. Вот он, родной двор, два дома, составляющие прямой угол. Один из домов — мой. Приближаюсь к своему подъезду, сажусь на скамейку. Редкие минуты тишины. Во дворе — никого. Сколько же лет я здесь? Красноярск — Краснодар... Город Горячий Ключ. Где она, моя родина?

Из первого подъезда вышла сгорбленная старушка. Господи, так это же тётя Таня... Татьяна Евдокимовна. Когда-то о ней говорили: статная, ладная, глаз не оторвать, — когда шла она, стройная, как натянутая струна, со своим мужем-прибалтийцем. Многие завидовали, глядя им вслед. О, этот точёный профиль! Который год-то она вдовствует-то?

— Мариш, ты, что ли? — окликнула меня тётя Таня. — Давненько не видала, думала — уехала куда.

— Да я, я, конечно, тётя Таня.

Встаю, чтобы помочь пройти по двору — самой ей трудно. Заулыбалось, заискрилось всё её изъезженное дорогами жизни лицо.

Возвращаюсь домой... Вот и мне оно когда-нибудь не понадобится — смотрюсь в зеркало, висящее в коридоре.

— Ма, чё загрузилась? Случилось что-нибудь?

Дочь-двадцатилетка завертелась перед зеркалом, поправляя локон.

— Кся, а сколько будет двадцать плюс двадцать, а?

— Ты это про себя? Тогда тридцать. Не заморачивайся. С математикой у многих проблемы, а со зрением — и подавно... Да, кстати, Славентий со второго потока говорит: ты что всё время с сестрой по универу лазишь? Ну, тот, который «пасёт» меня — помнишь, я тебе говорила?

— А, ну да. Видела его. Славный парень. Пусть найдёт. Может, зять будущий, если что..

— Не-е-е, он — мистер комплекс. У него мама старенькая, она его поздно родила, вот он и стесняется по жизни.

— Нет, Ксения, если человек хороший удался — значит, не поздно. Вовремя. Как надо.

Подхожу к окну, чтобы поправить шторы.

— Мариш, ты не теряйся, детка, а то долго не видать было, — едва узнаю по губам мимику ставшего родным тёти-Таниного лица.

— Да, конечно, тётя Таня, — поспешно киваю, пытаюсь удержать непрошеную слезу.

Дом закурился, запел и засуетился в своей беззаботности. Ксюшина молодость без усталости носилась по квартире, собираясь куда-то и боясь что-нибудь забыть. А я стояла посреди комнаты, зависая между тёти-Таниным «вчера» и Ксюшиным «завтра», и не могла сдвинуться места.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕТО

Лето выдалось жарким. Первые июльские денёчки были для меня его началом. А июнь растворился в студенческой суете. И если бы не балконное пребывание с источником знаний, каковыми были для меня учебники, то среди заполняющих пляж бронзовато-шоколадных фигур я бы выглядела гостьей-северянкой. Из окон музыкального учебного заведения доносились звуки. Сливаясь, они представляли собой весёлую какофонию, символизирующую окончание учебного года и начало студенческих каникул.

Пролетев в вариациях по клавишам, я опустила кисть руки на последний торжествующий аккорд и, не дослушав его до конца, выпрямилась вместе с аккордеоном, поклонилась и радостно удалилась за кулисы. Пора открывать лето.

В фойе меня уже дожидался Марат, так же как и я, с сегодняшнего дня студент третьего курса. В отличие от нас, «народников» (так у нас называли студентов отделения народных инструментов), он учился на духовом.

— Ну, что, на сопку, загорать? Кстати, с окончанием сессии!

— И вас тоже, уважаемое «духовенство»!

Называть так студентов духового отделения стало уже традицией, и никому в голову не приходило на это обижаться. Просто так было принято.

Взявшись за руки, мы с Маратом шагнули навстречу долгожданному каникулам. Марат шёл лёгкой юношеской походкой, а за спиной у него, на плече, разместился похожий на улитку духовой инструмент с мягко-бархатным названием «валторна».

— Вот и ты так, наверное, в бараний рог сгибаешь парней, как моя валторна, — улыбнулся он, переведя взгляд с меня на инструмент.

— Не-е-е... Зачем же мне согнутые? Будут как философы, страдающие вопросом, — отшутилась я. — Вниз тянуть будут. Мне с крыльями нужны...

— А я с крыльями? — спросил он почти серьёзно.

— Ты — да. Только с небольшими, А они у тебя — растущие, а это уже немало.

Глаза Марата наполнились благодарностью.

В автобусе мы громко болтали; на нас оборачивались, заражаясь нашей юной беззаботностью.

Вот уже в который раз Марат приводил меня на сопку. Это было место наших юношеских раздумий, размышлений и диалогов. Философский клуб на двоих — так мы называли нашу сопку.

Сопка ждала нас распутившейся зеленью и блеском солнечных лучей.

— Я рад, что мы опять пришли сюда. Я — Марат, я очень рад! — заявил он, игриво дурачась и жмурясь от щекочущего солнца. — Давай сыграю тебе твою любимую!

Я ответила лёгким кивком головы.

Марат бережно достал инструмент. Валторна блестела, переливаясь на солнце. В ней отражались все краски лета. Мелодия лилась мягким бархатом с едва уловимой грустью, обволакивая каждое дерево, каждую травинку, исчезая в пространстве городских домов, и будила в сердце каждого тёплую, светлую мечту, запах детства.

Звук затих, растворившись в откликах эха...

— Ритка, а ты знаешь, я ведь тебя люблю, — Марат слегка улыбнулся.

— Знаю, конечно. Я всё знаю.

Я знала, как безнадёжно он влюблён в Светку-скрипачку. Она засела в его душу, поселилась там и подтачивала её смычком полного равнодушия. На сопку Марат приходил лечить свою душу красотой здешних мест и... моим присутствием.

— Ри, а у нас с тобой имена одинаковые.

— Как это?

— Я — Марат, а ты — Маргарита. Значит, Мара. Хочешь, я громко-громко крикну, что люблю тебя? Пусть внизу все слышат.

— Кричи. Духовикам полезно лёгкие развивать.

— Маргарита-а-а!

«И та, и та, и та», — повторило многоголосием эхо.

Марат знал, что я не умею быть в том числе.

